

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечет установленную законодательством ответственность.

Ирина Седова

Папа

Катя точно помнила день, когда детство закончилось. Начало августа, несколько лет назад. Она вернулась из лагеря, папа встретил ее с автобуса, завезли вещи домой, съели по дошираку и сразу поехали на дачу, где их ждала мама. Папа был в плохом настроении, нервничал, про лагерь слушать не хотел. Ну Катя и не стала рассказывать. На вокзале купила на свои карманные деньги тонкий девчачий журнальчик в дорогу и бутылку воды. До дачи – часа два.

Сначала повезло: только пришли на вокзал, через минуту отправление. И даже сели оба и рядом. Когда подъезжали к Икше, все вдруг покатилось кувырком. В дверях показались контролеры и отец вскочил:

– Сейчас на остановке перебежим в тот вагон, который уже проверили.

Катя поспешила за ним. Встали в тамбуре, ожидая замедления поезда. Двое мужчин в форменных голубых рубашках методично двигались от пассажира к пассажиру, не пропуская ни одного.

– Пап, а почему мы просто билеты не купили? – неловко спросила Катя.

Как только двери открылись, отец схватил Катю за руку и потащил по платформе. У следующего вагона толпились пассажиры, пришлось пробежать дальше. “Осторожно, двери закрываются!” – недовольно пробормотал машинист. Отец уже уперся рукой в ближайшую дверь, чтобы задержать ее движение, и занес одну ногу на порог тамбура, но вдруг громко матернулся и шагнул назад. В тамбуре стояла еще одна бригада контролеров.

“Следующая станция – Яхрома. Морозки, Турист без остановок”. Двери электрички захлопнулись.

С мамой Катя никогда не попадала в такие ситуации, но видела, как на глазах у всего вагона контролеры выводили безбилетников, требовали заплатить штраф, пугали полицией. Это было ужасное зрелище, и Катя очень боялась когда-либо оказаться на месте тех пассажиров. Тяжело дыша от бега и волнения, она попыталась угадать настроение отца по лицу. Он был бледен и пот градом катился по его лицу.

– До следующей электрички час, – сказал папа, обреченно посмотрев на расписание, и снова матернулся. Катя удивилась, что он позволяет себе такое при ней, но почувствовала гордость от того, что с ней можно как со взрослой.

На платформе “Икша” было пустынно. Каждые десять минут отец закуривал сигарету, и Катя краем глаза замечала его трясящиеся руки. Докуривая, он вставал со скамейки, доходил до расписания, доставал из напоясной сумки телефон, смотрел на экран, убирал телефон обратно, что-то искал в сумке, застегивал ее и снова садился рядом с Катей.

Еще сорок минут. Еще тридцать минут. Еще двадцать. Наконец, вздохнул, как будто принял какое-то решение.

– Слушай, Кать, дай-ка мне водички. И оторви несколько страниц из твоего журнала.

– Да я же его только купила, пап. Новый номер, я вон только до десятой страницы долистала.

– Ну вот и вырви первые десять листов. Давай, побыстрее, мне отойти надо.

Катя испуганно протянула весь журнал и воду. Отец схватил и быстро пошел к концу платформы. Спускаясь по лестнице, столкнулся со старушкой, ругнулся, свернулся в заросли высокой придорожной травы и скоро исчез из вида.

Сначала Кате стало смешно: “приспичит же...”, потом неловко – от того, что она застала отца в такой ситуации. Но когда он не вернулся через десять минут, Кате стало страшно. В голове что-то неприятно пульсировало. Может, ему плохо, и он потерял сознание? Вон какой бледный был. Должна ли она идти его искать? А вдруг он не успеет вернуться к электричке? А вдруг не вернется совсем? Каждую минуту девочка оглядывалась. Дикие заросли, в которых скрылся отец, переходили в кусты, за кустами виднелся забор, за забором стояли технические постройки, за ними – канал имени Москвы. По каналу шла ржавая баржа.

Вдалеке присвистнула электричка. Катя вскочила, кинулась к лестнице, но наконец, увидела отца, медленно идущего к платформе. Напоясная сумка расстегнута, но журнал в руке, слава богу.

– Пап, ну чего так долго? – чуть не плакала Катя. – Давай быстрее.

В этой электричке найти два свободных места было уже труднее, но они сели друг напротив друга. Катя ждала объяснений или извинений, но, подняв на отца глаза, полные слез, заметила, что с ним что-то не то.

– Ну ты чего, малыш? – невнятно сказал он, посмотрел незнакомыми прозрачными глазами почти без зрачков и протянул изорванный журнал. Потом поднял руку к лицу, закрыл глаза, немного раскрыл рот и замер. Катя не понимала, что ей делать, и замерла тоже. Вагон качнулся, отец как будто пришел в себя, почесал щеку и посмотрел непонимающими глазами вокруг. – Разбуди когда доедем.

Кате показалось, что все вокруг в этот момент заметили и странное поведение отца, и ее испуг. Она вжала голову в плечи, раскрыла журнал, уставилась на обрывок чьей-то счастливой семьи и заплакала.

От “Икши” ехали еще час, ну хоть контролеров в этом составе не было. Отец дремал с нелепым выражением лица. Когда следующей остановкой объявили “95-ый километр”, в вагоне оставалось совсем мало людей. Катя тронула отца за руку, затем несколько раз потрясла за плечо и, наконец, громко сказала: “Пап, наша. Пора выходить!” Тот открыл по-прежнему стеклянные глаза, поднялся со скамейки и пошел за Катей к выходу.

Платформа стояла посреди леса, и солнце уже успело спрятаться за высокие ели.

– Пап, посмотри сколько времени. Если больше шести, автобусов уже не будет, пойдем пешком.

– Ничего, дойдем. – ответил он, но все же полез в напоясную сумку и резко остановился. Последовавшая нецензурная фраза означала, что телефона там нет. Он прощупал карманы спортивных штанов, оглянулся, кинулся назад, но поезд уже тронулся.

– Нет телефона! Черт, вот гавно! Не помнишь, когда я последний раз его брал?

– Еще когда на Икше сидели. А потом ты уходил и вернулся с расстегнутой сумкой.

– Ты даже не представляешь, насколько это хреново.

Вышли на пустую грунтовку. Километра три она тянулась через лес, потом поворачивала налево к дачам, и там оставалось идти еще полчаса. Отец, наверное, был очень расстроен потерей телефона, потому что шел, спотыкаясь, и бормотал проклятия. Почуяв вечернюю прохладу, на охоту вылетели комары. Кате приходилось постоянно прихлопывать их на себе, и это ужасно бесило. Отец закурил.

– Так, сигареты у меня кончатся, надо поскорее до дома дойти, там еще пачка есть.

Давай срежем путь. Вот тут можно наискосок через лес, и выйдем сразу к дачам.

– Пап, это же опасно! Тут болота везде, каждый год люди пропадают.

– Фигня! Мы тут раньше всегда за грибами ходили и никаких болот не видели.

Пошли, говорю!

Лес был еловый, внутри него стемнело довольно быстро. Комары не давали и шагу пройти. На пути постоянно попадался спотыкучий бурелом, Катя упала, ободрав руки.

– Давай вернемся на дорогу, пап. Пока недалеко ушли.

– Там идти еще два часа. А тут срежем и минут через пятнадцать дома. Только бы сигареты растянуть, всего три осталось.

Потом отец тоже оступился и грузно завалился на бок. У Кати не хватало сил ему помочь, и она стала плакать и кричать «помогите!». Отец вдруг рассмеялся, как пьяный. Но когда ж он успел напиться? Последние пять часов они были рядом, он точно ничего не пил, и даже если бы выпил тайком, она бы учуяла запах.

– Вот ты, Катька, дура! Кому орешь-то? – кряхтя, отец поднялся на ноги, и пошел, спотыкаясь, дальше.

– Мы точно туда идем? Мы не сменили направление? – Катя теперь плакала, не переставая.

– Если сменили, значит вернемся к дороге, как ты хотела.

Несколько минут шли молча, хватаясь за деревья. “Господи, ну почему все так сразу? И контролеры, и страшная Икша, теперь еще это. Мама, наверное, уже с ума сошла и обзвонилась”, – думала Катя.

– Вот видишь, из ельника вышли. Начался смешанный лес, значит дачи уже рядом. Только, бля, ноги мокнут.

Отец запыхался, как будто только что поднялся пешком на 17-ый этаж. Оба сели на поваленное дерево и посмотрели вниз. Оказалось, что трава, по которой они шли после ельника, растет не из земли, а из воды.

– Ааа, это болото, я же говорила! Мы сейчас тут утонем и никто не найдет. – Катя поджала ноги, как будто вода поднималась, и заорала. – На помощь! Помогите! Ау!

– Нормально, обойдем! – отец, шатаясь, пошел немного в сторону, но под ногами продолжал раздаваться все тот же чавкающий звук.

– Пап, давай вернемся назад, там хоть дорога. Уже совсем стемнело, мы заблудились и зашли в болото. У меня все ноги промокли. Мне холодно.

– Ну куда вернемся-то? Назад тоже заблудиться можно. Ноги высушим дома через пятнадцать минут.

– Ты про пятнадцать минут говоришь уже целый час, а они все не проходят.

– Черт! – Отец скомкал в руке и отбросил в сторону пустую сигаретную пачку. – Растигнуть не получилось.

– Пап, надо остановиться и послушать. Населенные пункты всегда слышно. Машины, собаки, музыка.

– Ну ты умка! – отец попытался замереть, но тело его продолжало раскачиваться из стороны в сторону.

Сначала было слышно только комаров. Потом где-то далеко за спиной простучала электричка. Впереди залаяла собака, и Катя, обогнав отца, пошла на звук, вытирая слезы.

Из леса вышли в полной темноте. Дома показались незнакомыми, но Катя быстро сориентировалась.

Мама стояла у калитки с фонариком. Увидев ее, Катя зарыдала во весь голос и побежала навстречу.

– Ну что ж вы так долго? Что случилось? Почему ты вся мокрая? – Мама с ужасом оглядела Катю. Потом направила луч фонарика в сторону, откуда доносилось шарканье шагов. Отец закрыл лицо ладонью, прошел, спотыкаясь, в калитку рухнул на диван на террасе, не снимая мокрых кроссовок, и заснул снова с открытым ртом.

Потом было несколько месяцев непонятного ужаса. Отец теперь всегда вел себя странно. После того, как он несколько раз проспал работу, его уволили. Дома он или спал, или искал что-то в маминых шкатулках и сумочках. Катя боялась возвращаться из школы домой раньше мамы, а мама ничего толком не объясняла, только плакала, худела и скуливалась. Катя отдалась от подруг, чтобы не пришлось объяснять, почему нельзя пойти к ней в гости и что вообще происходит у нее дома. После уроков поднималась на последний этаж своего подъезда и делала домашку, сидя на ступеньках.

В школу пришла инспектор по делам несовершеннолетних. Стандартная лекция о вреде курения, алкоголизма и наркомании. Пацаны-одноклассники переглядывались, хихикали и жестами приглашали друг друга покурить или выпить. Катя знала, что среди всех семиклассников на такое по правде способен только один хулиган, но он-то как раз в перешептываниях не участвовал. Инспектор перечисляла симптомы, по которым можно определить наркомана: “бледность кожи, расширенные или суженные зрачки, покрасневшие или мутные глаза...” Катя похолодела. “...замедленная речь, плохая координация движений. Если вы знаете, что кто-то из ваших ровесников попал в наркозависимость, не нужно его покрывать перед взрослыми, ему нужно помочь, и чем быстрее, тем лучше. Не бойтесь обратить внимание его близких и педагогов на странное поведение...” Катя почувствовала, что ее сейчас стошнит, и выбежала из актового зала.

Вечером Катя поделилась своим открытием с мамой, и та заплакала, облегченно сказав, что даже рада, что Катя наконец знает правду. Это был очень тяжелый вечер, проведенный в откровенных разговорах и слезах. На следующий день они приперли к стене отца и стали предлагать, просить, требовать, чтобы он сдался врачам. В какой-то момент он даже расплакался, согласился, что-то пообещал, но в конце разговора попросил у матери денег “в последний раз”. Когда она не дала, раскрыл узкую створку окна, лег животом на

подоконник и свесился вниз. Мать и Катя завизжали, схватили отца за ремень, втянули назад. Он сидел на полу и кричал, что хочет умереть, мать считала успокоительные капли, а Катя гладила отца по руке: “А помнишь, как на речку ездили купаться? Ты меня плавать учил, подбрасывал на руках, все смеялись… Хорошо же было… Почему все изменилось, пап? ” Выпив валокордина, он поднялся и молча ушел спать.

Потом были какие-то больницы, передачи, которые Катя с мамой носили по пятницам, жуткое состояние отца, в которое доктора вводили пациентов, чтобы те не понимали, что у них ломки. После таких посещений мать и дочь шли до метро молча.

Отца выписывали в положенный срок, несколько дней он сидел дома злой, крушил все, что в его отсутствие женщины аккуратно прибрали и расставили, орал “хорошо вам тут без меня было, да?”. Потом уходил, и все начиналось сначала. Бледность кожи, суженные зрачки, мутные глаза, замедленная речь… А без него было, действительно, хорошо. Катя думала эту мысль тайком, боясь обидеть маму или навлечь беду.

Катя теперь спала вместе с мамой, а отец жил один в детской. Однажды вернулся ночью, слышно было, что суетится там, роняет что-то. Потом все ненадолго затихло. Потом послышался стон и грохот. Мама вскочила и побежала к нему, оттуда заорала: “Катя, набирай скорую! Не входи сюда!” Господи, как же страшно стало Кате в тот момент. Она схватила мамин телефон, но из-за слез и трясущихся рук не сразу смогла попасть по нужным кнопкам. “Алло, алло, мама, что говорить?”

Мама выбежала из детской, не закрыв за собой дверь, схватила трубку, что-то кричала в нее, а Катя, застыв на месте, смотрела на страшного отца, лежащего на полу с открытыми глазами.

Когда приехала скорая, Катя сидела одна на кухне и смотрела на небо. За всей жутью последних месяцев она и не заметила, что началась весна, и темнеть стало поздно. С улицы неслись голоса и смех.

Катя уже не плакала, не переживала, не боялась сцены, которую увидела несколько минут назад, не вспоминала речку, не думала ту крамольную мысль.

Врачиха вышла в коридор с какими-то бумагами в руках, открыла входную дверь, впуская водителя с носилками.

– Так, кто будет грузить и нести в машину? – равнодушно спросила она.

– Не знаю, – растерянно отвечала мама, – а кто обычно это делает?

– Я сегодня одна, без санитара, а в обязанности водителя это не входит.

– Но как же тогда? Я же с дочерью не смогу поднять его.

– Зовите соседей.

– Катя, милая, что же делать? – мама, такая жалкая и беспомощная, стояла в распахнутом халате в прихожей.

– Там во дворе кто-то сидит...

– Дочка, беги прям в пижаме, попроси ребят каких-нибудь помочь, папе что-то вкололи, но надо срочно в больницу, – мама сорвалась на плач.

Катя выбежала в прохладную темноту, пахнущую новой жизнью. У подъезда стояла скорая. Нет, в такую ночь не умирают, точно не умирают. На детской площадке два молодых мужчины пили пиво. При появлении заплаканной девочки в пижаме они сразу замолкли.

– Вы не могли бы помочь? Донести до скорой... моего папу, – Катя расплакалась, и парни без лишних слов поставили свои бутылки на скамейку.

На второй этаж они поднялись пешком. В квартире пахло лекарством, врач что-то бубнила маме, без сил сидящей на табуретке в коридоре. При виде Кати и незнакомых молодых людей, она вскочила: “Ребята, пройдите сюда, пожалуйста. Вот носилки уже разложены, надо его как-то переложить и отнести в машину. Пожалуйста, помогите.” Мама делала какие-то бессмысленные движения, ходила по комнате, отчаянно хваталась то за

голову, то за сердце. Пока шли к лифту, Катя пыталась рассмотреть лицо папы. Глаза его были закрыты, но по движению грудной клетки было понятно, что он еще дышит. Парни с трудом занесли носилки внутрь кареты скорой помощи и молча вернулись на детскую площадку. Катя плакала, обняв маму. Доктор протянула им бумажку с номером больницы и телефоном справочной: «Позвоните утром. Но шансов мало». Когда доктор уже потянула дверцу, Катя заметила, что папа зашевелился и повернул голову. Они встретились взглядами, и дверь захлопнулась.

– Мы даже этих ребят не поблагодарили, надо подойти. – Мама потянула Катю к детской площадке. Поверх халата на ней был плащ, и она стала ощупывать карманы. Ребята стояли на том же месте с тем же пивом, но разговаривали намного тише. Мама достала из кармана несколько сотенных купюр и протянула им:

– Мальчики, спасибо за помощь, возьмите, пожалуйста.

– Нет, нет, не надо, да вы что! – замахали руками они. Мама снова заплакала и, обняв Катю, пошла домой.

– Мам, так что сказали в скорой? Смогут вылечить?

– О лечении разговора не идет. Выживет ли, вот вопрос...

– А ты бы хотела, чтоб выжил? – робко спросила Катя и сама себя испугалась.